

УДК 821.161.1

Сергей Анатольевич Никаноров
г. Шадринск

Тема безрадостного детства в рассказах А.П. Чехова «Ванька» и «Спать хочется»

В статье раскрываются особенности темы безрадостного детства русского ребенка в конце XIX века; предпринимается попытка анализа двух произведений А.П. Чехова «Ванька» и «Спать хочется», созданных в 1886-1888 годах соответственно, через частичное их сопоставление. На основании изложенных фактов автором выдвигается гипотеза, что главные герои разных произведений могут состоять в родственных отношениях, быть братом и сестрой, что придаёт ситуации ещё больший драматизм.

Ключевые слова: детство, безрадостное детство, «детская» тема в русской литературе 19 века.

Sergey Anatolievich Nikanorov
Shadrinsk

The theme of joyless childhood in the stories of A.P. Chekhov “Vanka” and “I want to Sleep”

The article describes the features of the theme bleak childhood of a Russian child in the late nineteenth century; an attempt of analysis of the two works of A.P. Chekhov's “Vanka” and “I want to Sleep”, created in 1886-1888, respectively, via the partial mapping. On the basis of the facts the author puts forward the hypothesis that the main characters of different works may be related, be brother and sister, which gives the situation even more drama.

Keywords: childhood, joyless childhood, “children's” theme in Russian literature of the 19th century.

Во всех веках и у всех
людей ребенок представлялся
образцом невинности,
безгрешности, добра, правды и
красоты.

Л.Н. Толстой

Детство... При трактовке этого периода жизни собственными словами абсолютно каждый человек сделает это по-своему. Зависит же это от того, **КАКИМ было это самое детство**. Кто-то обратит внимание на время, проведенное с родителями, братьями или сестрами (если они есть); для кого-то самыми яркими воспоминаниями останутся летние дни, «оставшиеся» в деревне у бабушки и дедушки на каникулах; кто-то, у кого по разным причинам нет родных в деревне (а сегодня таких много), посвятил время учебе (даже в летнее время). Говоря иначе, у каждого СВОЁ детство.

Толковые словари обозначают детство как «ранний, до отрочества, возраст; период жизни в таком возрасте. **Счастливое д. Друг детства. Провести д. в деревне. Власть в д.** (от старости потерять рассудок). **Д. человечества** (перен.)» [1, с. 79].

С юных лет нас «сопровождают» понятия «счастливое детство», «безрадостное детство» и им подобные в разных ситуациях жизни и в различных контекстах на страницах книг. Учитывая, что литература – всегда отражение жизни (даже фантастическая, ведь фантазия тоже основана на жизненном опыте), то и тема детства как одна из составляющих жизненного пути находила авторскую интерпретацию в произведениях русской художественной литературы.

Конечно, мы далеко не первые, кто обращается к обозначенной теме. Говорить о детстве с «безрадостной» стороны, безусловно, сложнее, чем касаться этой темы в позитивном ключе. Как известно, именно детство дает «настрой» на всю дальнейшую жизнь, ведь именно в этот период жизни закладываются основные ориентиры, которые должны получить развитие в дальнейшем. От того, **что** будет заложено в ребенка, зависит его дальнейшая социализация (вхождение в жизнь, привыкание к ней, способность

«сопротивляться» (противостоять) сложным ситуациям). Отсутствие же радости в это период ничего хорошего с собой не несёт. В будущем человек, прошедший через такое детство, может обособиться и с большим недоверием относиться к людям и к жизни.

Детство и отсутствие радости у человека в этот период – понятия, мы уверены, несовместимые. Тем не менее, жизнь веками показывает и доказывает, что даже данная антитеза таковой нередко не является. Причины этого, как известно, самые разнообразные: от сложных отношений между членами семьи до социальных катаклизмов, например, войн. Российское общество знает немало войн, например, на протяжении двух последних столетий. Наверное, нет возможности точно подсчитать, сколько детей погибло во время ведения боевых действий. Во время Второй мировой войны, например, количество жертв среди «детского» населения, по разным подсчетам, разнится от пятисот тысяч до нескольких миллионов. Но потеря жизни даже одного ребенка не оправдывает войны, какими бы «благочестивыми» мотивами они не были вызваны!

По нашим наблюдениям, тема детства вообще в русской классической художественной литературе корнями уходит в начало XIX века, когда появляется «дворянский» взгляд на рассматриваемый предмет. Например, это касается сказки А. Погорельского «Черная курица, или подземные жители» (1829). Вообще же тема детства (радостного и безрадостного) в различных её проявлениях и интерпретациях – одна из «сквозных» тем русской литературы; тема, в равнодушии к которой, по нашему мнению, нельзя заподозрить ни одного значительного художника слова. Предпримем попытку рассмотреть, как отразилась эта тема в рассказах великого русского писателя, писателя-классика Антона Павловича Чехова (1860-1904).

Рассмотрению творчества А.П. Чехова на сегодняшний день, как нам известно, посвящено множество работ. На наш взгляд, бесспорное внимание привлекает фундаментальный труд последних лет – книга Алевтины Кузичевой «Чехов. «Жизнь отдельного человека», вышедшая в 2012 году в серии «Жизнь замечательных людей». Одна из тем этого исследования – *всегдашняя новизна чеховских произведений*, где за внешней обыденностью сюжета скрывается глубинный драматизм человеческих отношений и характеров, то есть та, что близка теме нашего исследования.

К теме детства А.П. Чехов обращался неоднократно. В некоторых произведениях она обозначена уже в названии (рассказ «Детвора», 1886), в названиях других она «домысливается» (например, «Ванька», 1886). Из названия «Спать хочется» (1888) абсолютно не ясно, что далее, помимо прочего, будет затронута тема детства.

Мы выбрали для анализа именно два последних из названных выше рассказов, так как в них тема детства в его безрадостном проявлении, на наш взгляд, обозначена максимально ярко. Эти два произведения объединяет множество схожих композиционных приемов, служащих, помимо прочего, раскрытию этой темы.

Десятилетие, в которое создавались оба рассказа, по времени совпало с периодом правления в России императора Александра III – «миротворца». Период, в общем-то достаточно спокойный, когда мыслителю можно было углубиться в решение каких-то внутренних проблем, как на уровне государства, так и на уровне личности. Углубляется в решение таких проблем и Чехов.

Создаются произведения с интервалом в два года (1886-1888), из чего можно заключить, что тема «вынашивается» автором; можно предположить, что А.П. Чехов имеет желание как минимум дважды её обозначить и показать несколько по-разному. Более того, некоторые общие элементы сюжета позволяют сделать вывод о том, что между персонажами, Ванькой и Варькой, между их отношением к происходящему *присутствуют градационные отношения*, о чем мы скажем позднее.

Очевидно, практика жизни «в людях» была достаточно распространенным явлением в описываемое время. Не избежали этого в силу разных причин герои двух рассказов А. Чехова Ваня Жуков и девочка Варя (вспомним в этой связи название автобиографической повести А.М. Горького – «В людях») – об этом мы узнаём со страниц рассказов.

Попытаемся провести сравнительный анализ некоторых фактов, обозначенных в произведениях, тем самым выявим возможные сходства и различия в условиях жизни персонажей, что, конечно, влияет на раскрытие автором темы безрадостного детства Ваньки и Варьки.

Конечно, рассказы очень похожи. Во-первых, их сближает общая тема: в том и другом произведении показан ребенок, служащий в хозяйском доме; Ваньке – 9 лет, Варьке – 13. Оба 1) работают и 2) живут у хозяев, промышляющих сапожным ремеслом. В обоих рассказах условия жизни детей оставляют желать лучшего, так как, кроме работы, времени или **совсем не остаётся** (как у Варьки), или **почти ни на что не остаётся** (как у Ваньки), и в этом мы видим небольшое различие. Посмотрим, например, как живётся Ваньке (это мы узнаём из его письма деду): *«Подмастерья надо мной насмеваются, посылают в кабак за водкой и велят красть у хозяев огурцы, а хозяин бьёт чем попаядя. А еды нету никакой... А вчера мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосы во двор и отчесал шпандырем за то, что я **качал** ихнего ребятенка в люльке и по нечаянности заснул* (выделено нами. – Н.С.) (!) [2]. Не правда ли, знакомая ситуация? В рассказе «Спать хочется» точно такая работа выполняется Варькой, в конце концов сводя её с ума: *«Нянька Варька, девочка лет тринадцати, **качает колыбель*** (выделено нами. – Н.С.), *в которой лежит ребёнок... Варька моет лестницу, убирает комнаты, потом топит... печь и бежит в лавочку. Работы много, нет ни одной минуты свободной»* [3]. Говоря иначе, условия жизни Ваньки несколько выгоднее. Такое утверждение мы делаем на основании авторского стремления показать читателю, что пускай в ночь перед Рождеством, но у него есть **физическая возможность** написать деду. У Варьки же, как видно из текста рассказа, **свободного времени нет совсем**.

Кроме того, читателю известно, что Ванька работает у сапожника Аляхина три месяца; сколько же работает у хозяина-сапожника Варька, мы не знаем. После выяснения этого обстоятельства вполне можно заключить, что Ваня Жуков, будучи *случайно грамотным*, пытается противостоять жизненной ситуации, в которой он оказался, достаточно цивилизованно; Варька тоже пытается, но – по-своему. Говоря об этом, хотим заметить, что многие читатели рассказа «Спать хочется», ознакомившись с текстом произведения до конца, не могли поверить, что Варька решилась задушить «причину своих страданий», увидела выход из ситуации соразмерно своему душевному и физическому состоянию. (Кто-то сомневался в том, что автор – Чехов. Да, Чехов – разный!) Как известно, попытки обоих детей «освободиться» от физических страданий, облегчить их ни к чему не привели, но если Ванька Жуков может надеяться на то, что ситуация с течением времени *теоретически* может несколько измениться, то в случае с Варькой всё обстоит намного хуже. Авторское заключение рассказа не даёт ей надежды на спасение (как духовное, так и физическое): *«Задушив его, она быстро ложится на пол, смеётся от радости, что ей можно спать, и через минуту спит уже крепко, как мертвая* (выделено нами. – Н.С.)...» [3]. Причём мёртвая – во всех смыслах... Именно это различие даёт нам основание говорить о «прогрессивной» градации в сюжетах и в образах персонажей: в первом из написанных рассказов («Ванька») главный герой продолжает жить ненавистной ему жизнью и, может быть, на что-то надеяться, а во втором («Спать хочется») вследствие ещё больших физических страданий (состояния без сна в течение четырёх (!) суток), убивая ребенка, обрекает себя на «вечную» пытку. То есть физические страдания становятся настолько невыносимыми, что полностью подчиняют человека себе, становятся источником нравственного страдания, которое, впрочем, **живым человеком** уже не осознаётся... Таким образом, видно, что ситуация во втором произведении много трагичнее.

То обстоятельство, что Ванька и Варька оказались «в людях», вполне закономерно по той причине, что они сироты. В случае с Варькой автор не указывает причину её появления в доме сапожника. По нашему мнению, он делает это умышленно: читатель сам догадается о ней, так как, скорее всего, ему уже известен рассказ «Ванька», вышедший двумя годами ранее, где эта причина обозначена: *«Когда Пелагея (мать*

Ваньки) умерла, сироту Ваньку отправили в людскую кухню к деду, а из кухни в Москву к сапожнику Аляхину...» [2]. Варька попадает в услужение также после смерти родителей; интересно в этой связи, что смерть её отца показана очень подробно, а об уходе матери нет ни слова. Образы же **живых родителей** постоянно всплывают в её затуманенном бессонницей сознании; создаётся впечатление, что таким образом она **ОЧЕНЬ** мечтает вернуть то время, когда они были живы. Эти образы – последние в череде других, которые Варька видит в заключительном печальном полусне: «*Варька видит опять грязное шоссе, людей с котомками, Пелагею, отца Ефима*» [3].

При детальном ознакомлении с текстами рассказов внимание останавливается на одной художественной детали, думается, совсем не случайной в ткани произведений. А.П. Чехов, как известно, мастер использования подобных «ничего не значащих» атрибутов; вспомним в этой связи хрестоматийный пример про висящее на стене ружьё, которое «обязательно должно выстрелить». Деталь эта также объединяющая: **мать Ваньки и мать Варьки зовут ...Пелагея!** («*А когда вырасту большой, то за это самое буду тебя кормить и в обиду никому не дам, а помрешь, стану за упокой души молить, все равно как за мамку Пелагею*») («Ванька»); («*Глядя на них, Варьке страстно хочется спать; она легла бы с наслаждением, но мать Пелагея идёт рядом и торопит её*») («Спать хочется»). Повторим, на основании изложенного выше мы убеждаемся в том, что случайным такое совпадение не является. Более того, исходя из этого, рискнем предположить, что рассказы эти нужно рассматривать в едином смысловом контексте: предположим, что Варька и Ванька – брат и сестра, волею судьбы оказавшиеся «в людях» а) у одного и того же сапожника, б) в одном городе (Москва), только в разное время, в) у них одна мать, женщина по имени Пелагея.

Таким образом, придерживаясь подобной точки зрения, особенно чувствуем авторскую позицию по отношению к описываемым событиям. Еще раз убеждаемся в том, что А.П. Чехов – прекрасный стилист и психолог: возвращаясь к похожему сюжету спустя два года, он показывает свою заинтересованность в происходящем, хотя, как это и положено большому художнику, самостоятельно не оценивает описываемое, предоставляет это право читателю. Любая оценка – только через отношение главных героев. Конечно, ему претит подобная ситуация, поскольку дети полностью зависимы от хозяев, хозяев жизни; они – в положении рабов. Автор сожалеет об этом, описывая их стремления отказаться от такой жизни (стремление Варьки убийственно, причём даже для неё самой), но вместе с тем понимает, что чего-то конкретного сделать не может. В этом – трагедия ситуации и трагедия автора, обрисовавшего ситуацию, донёсшего её до читателя, но бессильного её разрешить.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка : около 53 000 слов [Текст] / С. И. Ожегов ; под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М. : Оникс 21 век : Мир и Образование, 2005. – 894 с.
2. Чехов, А.П. Ванька [Текст] // Собрание сочинений : в 12 т. / А. П. Чехов. – М. : Правда, 1985. – Т. 5. – С.213-217.
3. Чехов, А.П. Спать хочется [Текст] // Собрание сочинений : в 12 т. / А. П. Чехов. – М. : Правда, 1985. – Т. 6. – С. 309-314.

REFERENCES

1. Ozhegov, S.I. Slovar' russkogo yazyka: okolo 53 000 slov [Russian dictionary]. Skvorcova L.I. (ed.). Moscow: Oniks 21 vek: Mir i Obrazovanie, 2005. 894 p.
2. Chekhov, A.P. Van'ka [Vanka]. Chekhov A. P. *Sobranie sochinenij*: v 12 t. T. 5 [Collected works. Vol. 5]. Moscow: Pravda, 1985, pp. 213-217.
3. Chekhov A.P. Spat' hochetsya [I want to sleep]. Chekhov A. P. *Sobranie sochinenij*: v 12 t. T. 6 [Collected works. Vol. 6]. Moscow: Pravda, 1985, pp. 309-314.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

С.А. Никаноров, кандидат филологических наук, доцент, доцент каф. филологии и социогуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск, Россия, e-mail: nikanorov-70@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4638-7100.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

S.A. Nikanorov, Ph. D. in Philology, Associate Professor at the Department of Philology and Social and Humanitarian Disciplines, Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia, e-mail: nikanorov-70@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4638-7100.